

Эксперт 14-20 марта 2011 № 10 (744). – С. 44-46.

Неучтённые потоки

Юрий Плюснин Василий Скалон

По оценке Юрия Плюснина, социолога, много лет изучающего российскую глубинку, более 20 миллионов человек зарабатывают на жизнь за пределами своего постоянного места жительства. Это не вахтовики и не «маятниковые мигранты», это «отходники». Несмотря на значительный вклад в экономику страны, эти люди практически «выключены» из жизни как себя дома, так и в местах «отхода». И о них почти ничего не знают ни ученые ни чиновники.

— *Юрий Михайлович, термин «отходничество» звучит как диковинка из словаря Даля. Судя по всему, для российской истории явление это не ново. Правильно ли я понимаю, что явление, обозначаемое этим словом, возродилось после начала экономических реформ в России?*

— Да, явление отходничества существует немало веков, но социологи практически о нем не ведают. По крайней мере, до недавних пор не знали. Так как в советское время отходничества, можно сказать, не было совсем, то и термина такой был забыт. (Вместо отходников в стране появились шабашники и вербованные да бичи, но их доля ведь была крайне мала и для экономической жизни несущественна.) А поскольку наши социологи придерживаются либо прежних, советских, либо западных концепций (в которых тоже отходничество не фигурирует), то получается, что и феномена нет.

Сам феномен отходничества характеризуется «отходом» с места постоянного жительства на значительный срок, на 2-3 месяца, а обычно на сезон, чтобы заработать деньги для жизнеобеспечения семьи. Заработать либо неквалифицированным трудом, либо по одной из своих профессий. При этом вся семья, хозяйство остается на своем месте, человек не переезжает и не собирается переезжать туда, где работает. Просто «промышляет в отходе».

— *Давайте уточним формулировки. Если житель села Березовка ездит на работу в село Сосновка того же района, это отходничество? А если житель города Искитим работает таксистом в Новосибирске?*

— Тут надо разделить традиционное значение термина «отходничество», каким оно было до революции, и современное, более широкое.

В первом случае отходники это люди, которые самостоятельно находили промысел далеко за пределами своего города или села и ехали туда на сезон. В условиях дореволюционных скоростей даже отход на 200 км требовал не менее чем месячного пребывания в «точке отхода». Ведь даже в Европейской России к началу 20 века расстояние между ближними городками составляло 80-120 км, а возможности найти работу были в

основном в столицах и губернских центрах; чтобы добраться до них крестьянину (а почти все отходники были крестьяне) нужно было потратить на дорогу в один конец неделю и более. Но ведь уходили обычно ещё дальше. Вот, к примеру, расклад направлений и расстояний отхода в одном из районов типичной «отходнической» губернии, Костромской: в пределах 150-200 км менее 30% (это всё занятые извозом), в «ближнем» круге, от 200 до 500 км – 42%, а далее 500 км – 22%, причём не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в Архангельске и даже Тифлисе.

Правда, надо сказать, что в старые времена отхожими промыслами называли все дополнительные к основному виды жизнеобеспечения, которыми крестьянин занимался помимо своего хозяйствования на земле, поэтому только это и было признаком отхода, а не расстояние, на которое человек уходил от дома. Ясно, что если сапожник сидел дома и шил-тачал обувь, то он не считался в отходе, поскольку одновременно ещё и вёл домохозяйство. В отходе были без семьи и без хозяйства. При этом надо иметь в виду, что почти ни одно крестьянское хозяйство не могло обеспечить своего существования только за счёт земледелия и животноводства, так что это сорок процентов от всей численности домохозяйств. Вот данные по той же волости о доле отходников в численности населения: в 1914 году ровно 40% всех занятых промыслами промышляли ими в отходе.

Сейчас смыслы сместились. Ведь у нас появились вахтовики и маятниковые трудовые мигранты, чего тогда не было. Правда, шабашники и бичи были и в старые времена, да назывались иначе – казаками, волками и шатунами. Но не назывались отходниками. Сейчас для исследований мы вынуждены пользоваться более широким определением: к отходникам мы относим всех людей, которые ездят на заработки за пределы своей территории постоянного обитания, но, в силу временных издержек, вынуждены задерживаться там и заводить временное жильё. В среднем они уезжают в Москву или в областной город на месяц – два, кто-то на полгода. Они как бы существуют в двух местах: в одном доме с семьёй и хозяйством, в другом съёмное жильё с работой. Важно, что на месте недостаточно источников для жизнеобеспечения семьи. Это главный критерий отходничества. Поэтому шабашники и прочие «вербованные» к таковым не могут быть отнесены – они за длинным рублём, а не из нужды. Ну а те, кто может в течение дня быть на месте работы и ночевать дома, они ведут «распределённый» образ жизни. Искитимский таксист, «бомбящий» в Новосибирске – не отходник.

Хорошо забытое старое

— *И какая доля населения охвачена этим явлением сегодня?*

— Сильно отличается от региона к региону и зависит от экономической обстановки, географического положения и даже истории места. По моим наблюдениям, в регионах –

донорах отходников, от трети до половины всех семей вовлечено в этот процесс. Это порядка 30-40% от трудоспособного населения. Навскидку скажу, что в 90-е годы, а может и сейчас, отходник является кормильцем примерно для 20 млн семей (в России всего около 50 млн семей). Но точных оценок нет ни у кого.

Примечание [b1]: Юрий Михайлович, я правильно записал?

Кстати, замечательный факт, говорящий о том, что масштаб явления начал осознаваться: в прошлом году губернаторы ряда регионов потребовали от местных властей представить им справки об отходниках. Не только процент активного населения и средний размер их заработков, а еще и по каким профессиям они работают, и даже готовы ли они вернуться и работать дома, ну и еще какие-то столь же абсурдные вопросы. Естественно, ни один муниципалитет такими данными не располагает. Муниципальной статистики, как известно, не существует. Данные никто не собирает. Но справку они все-таки предоставили вовремя. Ясно, как были получены ответы на требуемые вопросы. Потом эти цифры складировали в официальную федеральную статистику.

— *Какие российские регионы дают наибольшие потоки «отходников», какие, наоборот, больше всего притягивают их к себе? Иначе говоря, есть ли регионы-магниты, города-магниты?*

— Сегодня, как и в имперские времена, уходят, в основном, в столицы. Обычно едут в крупные областные города, промышленные центры. Среднее расстояние отхода сейчас, по моим прикидкам – ночь на поезде, день на автомобиле, т.е. 300-600 км. И доноры остались те же – север и центральная полоса европейской части России. То есть, те места, где довольно трудно вести сельское хозяйство, местная промышленность развалилась. На юге отходников не было, и сейчас очень мало. Мало отходников и в тех регионах, где много рентного населения, которое сидит на шее у государства. Мало в Сибири, это традиционно.

— *Почему получается так, что где-то отходничество более выражено, а где-то – менее? Какие ключевые факторы возникновения этого явления?*

— Тут несколько причин. Например, в Сибири плотность населения ниже, это означает больше каких-то местных ресурсов, меньше конкуренция за землю. Потом, в Сибири гораздо меньше крупных городов и они дальше друг от друга, до 20 века – на расстоянии 500 км один от другого. Следовательно, во-первых, до них дальше ехать, во-вторых, в них сложнее прокормиться. Надо переселяться и идти на завод. В Сибири раньше чуть ли не единственным видом отхода был извоз: расстояния большие, товаров много. Но так было только до Транссиба, после и извоз исчез.

Кроме того, важна история региона. В имперские времена тот же Томск, Барнаул, Тюмень, Омск или Иркутск были невелики, и хотя доля государственных служащих и офицеров (которые получают жалование – основной источник ресурсов) была сравнительно с европейскими городами высока, но значительную часть населения составляли рабочие

заводов и фабрик, при этом всё городское население вело домашнее хозяйство, почти ничем не отличавшееся от крестьянского. Промышлять крестьянам в таких городах было нечем – конкуренция и без того высока.

Как я сказал, на юге тоже не было отходников. Они все – из центральных и северных губерний. Ведь до первой трети 20 века плотность сельского населения в центральных губерниях составляла 50-70 человек на кв. км, а это при существовавшей системе землепользования означает жизнь на грани голода. В северных же губерниях никогда не было условий для полного жизнеобеспечения от земли.

Мы в этом году собираемся провести исследование, чтобы понять, чем занимаются отходники сейчас и сколько их, и чем занимались они на той же территории сто лет назад. Это должно быть интересное сравнение.

— *Получается, что до революции соответствующая статистика велась?*

— Конечно, и она была очень точной. Практически по каждому уезду можно найти земскую статистику, в которой указано, кто из жителей в отхожем промысле и где. Учёт был.

Насколько я вижу, и в наше время отходничество возникает прежде всего на тех же территориях, где оно было распространено и в имперское время. В этом смысле можно говорить о наличии некой «социальной памяти». Ведь прошло три, четыре поколения, изменилась жизнь и люди мгновенно вспомнили, какие модели жизнеобеспечения практиковали их предки. Вот Торопец или Чухлома – яркий тому пример. Всё население почти в отхожем промысле, но ведь и раньше так было, до советских времён.

— *Ну, а, может быть, это просто условия не изменились, и одинаковой реакцией на сходные условия является отходничество?*

— Условия тоже важны. Мне кажется, однако, что прежде всего важны исторические условия, традиция. Например, до советского времени в Чухломе было мало ресурсов, рыба да звероловство, а население относительно велико, и почти всё оно было в отхожем промысле. В ближайших же городах, в Солигаличе, в пятидесяти километрах на север, и в Галиче, тоже в пятидесяти километрах, но к югу, отхожий промысел был много менее развит. Там своих ресурсов было больше, в Солигаличе были и соляные варницы, в Галиче и с урожаями лучше, и заводы были, да и дорога, всё давало доход. Но в советские времена условия везде были созданы равные. Когда времена эти закончились, доля бюджетников осталась примерно одной и той же (а им хоть не сытно, но стабильно живётся), но, тем не менее, при этих, в общем-то, равных условиях, Чухлома первая ушла в отход, а не Солигалич и не Галич, которые и до сих пор значительно отстают в этом плане. При этом люди ведь не читали книжки об отходничестве, а, может быть, даже и не знают, что их деды этим кормились.

Не от хорошей жизни

— *Я правильно понимаю, что на отходничество людей толкает, в основном, бедность?*

— Да, по большей части это чистое жизнеобеспечение, нужда. Либо сезонные сельхозработы, которые можно выполнять на месте, не дают им достаточно доходов, либо у них такая профессия, что человек вынужден искать применения ей за пределами своего местообитания. Например, сапожники или каменщики. А если добыть дополнительные ресурсы можно на месте, то зачем и в отход идти? Яркий пример из наблюдений в Архангельской области: там, на Белом море в Онежском заливе жители прибрежных деревень имеют весьма скудные источники заработков, но не идут в отход, потому что сезонная добыча водоросли анфельции для производства агар-агара за месяц август позволяет им заработать на весь год. Это тоже промысел, но на месте, без отхода.

— *Почему люди едут на временные заработки вместо того, чтобы просто сменить место жительства? Не хотят покидать родину – держит «любовь к отеческим гробам»? Или же места, где они «отходничают», не всегда пригодны для жизни, в них сложно закрепиться?*

— «Любовь к гробам», безусловно, есть. Это, может быть, важнейший фактор. Но ведь и жить в своём доме в сельской местности много приятнее, чем в городе. У человека своя земля, свои места для охот и утех: друзья, рыбалка, охота. Множество психологических факторов заставляют человека возвращаться, потому что настоящий дом у него там. Кроме того, наше население традиционно имеет чрезвычайно низкий миграционный потенциал. Даже в начале 90-х, когда «на колёса» была поставлена шестая часть населения страны, жители традиционных регионов отходничества мигрировали редко. По данным трёх моих всероссийских исследований провинциального населения, более $\frac{3}{4}$ живущих в малых городах и сёлах людей никуда и никогда не уезжали, а доля недавних переселенцев, живущих менее 10 лет, составляет лишь 5-7 процентов. Но ведь отходников никак не назовёшь мигрантами. Они местные.

Ну и чисто экономический фактор действует. Где в городе купишь квартиру? Учитывая, что недвижимость в сельской местности стоит, как минимум, на порядок, а то и два, дешевле, чем в большом городе, купить жильё (как мы к этому привыкли) чрезвычайно сложно. Но, на мой взгляд, это последний по значимости фактор, хотя исследователи обычно его ставят на первое место.

— *А может ли отходничество в каких-то случаях рассматриваться как первая стадия переезда? Мне рассказывали, что такое бывает: мужчина едет на заработки, там находит себе женщину и остаётся с ней.*

— Совсем не уверен, что следует его считать шагом к переезду. Ну а вторая семья, да, но такое всегда было, хотя это явление не такое уж массовое. Кроме того, в любом месте ничего не мешает мужчине жить полигамной семьей, что тоже не редкость. Это давно сложившаяся практика, хотя в советское время её как бы и не было, хотя бы потому, что в то время не было такой формы трудовой активности. Впрочем, исследователи об этом так же мало знают, как и о том, сколько сейчас незарегистрированного оружия на руках у населения.

Экспорт трудовых ресурсов

— *В каких сферах, в основном, работают отходники сегодня?*

Поскольку сегодня, как и всегда, уходят, в основном, в столицы, включая областные города, то они выполняют те массовые работы, которые требуются в столицах. Это строительство, перевозки, работа в сфере услуг и как бы обеспечение безопасности (охранники). Наиболее профессиональная и доходная сфера – строительство. Это всё виды занятий мужчин. Но среди отходников нынче немало и женщин, мне кажется даже, что доля женщин растёт. Они преимущественно в сфере услуг, хотя в силу более высокой квалификации женщин, они в этой сфере заняты на более высоких должностях.

— *А легально ли они работают в тех местах, куда приезжают?*

— Сложно сказать. Я думаю, что сегодня доля тех, кто работает легально, значительно больше, чем раньше. Если к середине 90-х годов четверть активного населения даже в крупнейших городах страны – а что говорить о малых! – была «вне экономики» (такая формулировка, не знаю, есть ли сейчас), соответственно, они и работали нелегально. По некоторым оценкам, к концу девяностых их было даже больше. Сейчас, по всей видимости, доля тех, кто работает нелегально, вновь снижается. Но поскольку отходниками никто не занимается, их и посчитать-то некому, не то, что оценить нелегально работающих.

— *Сколько денег привозят в семьи отходники из своих поездок?*

— Статистики как таковой вообще нет. Муниципальная статистика на эту тему, как я уже сказал, выдумана: мэры просто посоветовались друг с другом и написали наиболее похожие, на их взгляд, цифры. По моим расчетам, они привозят домой от 15 до 30-40 тысяч рублей, потому что меньше не имеет смысла. Можно ещё прикинуть по ценам, которые просят местные за работу у дачников, поскольку они в какой-то мере отражают ожидания к городским заработкам. Халтурку у дачников ассоциируют с работой в городе: раз сосед говорит, что в Москве он «зашибает тридцатник», так и с дачника-москвича надо брать столько же. Судя по запросам местных жителей-горожан в центральных областях, они считают, что 20 тысяч рублей – это уже много. Можно предположить, что это считается суммой, ради которой стоит ехать. Соответственно, в городе отходнику надо зарабатывать

примерно 30-40 тысяч, чтобы привезти домой 20-30. Подобные суммы звучат и в подслушанных разговорах и соответствуют косвенным оценкам. Кто-то, наверное, хвастался, про кого-то известно. Подтверждает и то, что местные власти оценили доходы отходников так же: ожидаемая зарплата отходника в крупном городе – 40 тысяч. Мы планируем более подробно исследовать этот вопрос.

— А как отходники влияют на экономику региона, где у него остается семья? И, наоборот, на экономику населенных пунктов, в которых они работают?

— Если опираться на нашу оценку – около 30-40% от трудоспособного населения в провинции, - то можно считать, что отходники приносят в экономику региона, где они живут, больше денег, чем те, кто зарабатывают на месте. Это видно и по домам отходников: там, где железные заборы, спутниковые антенны, сайдинг, живут семьи отходников. Они-то, кстати, и приносят эту моду на пластиковый сайдинг и металлические заборы, негодную для местных российских условий.

Конечно, можно сказать, что, как экономическая ситуация в городе определяет отходничество, так и «экспорт трудовых ресурсов» влияет на местную экономику. Наличие возможности уйти в отход повышает зарплатные требования местного населения, что не может не сказаться на местном бизнесе и структуре занятости. Нынче в небольших городах, где я часто бываю, подсобное хозяйство, которым живут люди, есть у одного из двадцати, даже из сотни. Конечно, есть и рыбаки, и собиратели грибов, ягод. Но их мало. Если вы в городе захотите купить клюквы или брусники – не найдёте. Даже картошки нельзя купить, кроме как в магазине. Опять же, основные налоги они платят там, где работают. Если платят. Они, конечно, тратят деньги по месту жительства, но сравнительно небольшие, ведь основные покупки, включая стройматериалы, приобретаются на рынках крупных городов. В общем-то, эти люди как налоги по месту жительства не платят, так и услуг не получают. В экономическом и политическом смысле они автономны по отношению к местному обществу.

Особенности социальной политики

— И каких именно социальных услуг лишены эти люди?

— Вот смотрите. Доли рентного населения (пенсионеров и бюджетников) и отходников (активного населения) примерно равны. На бюджетников и пенсионеров распространяются многообразные льготы, субсидии, пенсии и разные доплаты. На отходников – в гораздо меньшей степени, разве что через членов их семей. То же самое и с дотациями, выделяемыми из государственного бюджета: коммунальные услуги, тепло, вода, канализация, мусор, баня, медицина, школа, дом культуры и т.п. разверстываются ведь на всех жителей, но отходники-то этих услуг не потребляют. По крайней мере, дома.

Обратите внимание: и в местной политической жизни тоже участвует только пассивное, получающее ренту население, а эти активные люди, самостоятельно зарабатывающие деньги, в политике никак не участвуют. Так что они как вне социальной политики, так и вне «чистой» политики.

— *Но ведь у нас и в целом достаточно пассивное население. Не очень-то им и хочется в чем-либо участвовать.*

— Это смотря когда. Когда затрагивает их интересы, они очень даже активны. Вот 10 октября повсеместно проходили выборы глав районов и поселений, кое-что я наблюдал. Немало мест, где в них участвовало более 80% населения.

— *Ничего себе. Если это не «приписки», то с чем связан такой всплеск интереса?*

— А потому что их задело. Возник конфликт: люди в провинции в массе своей выступают против «Единой России» (а основная причина – как в советские годы: первыми к партии приткнулись «плавающие поверху»), а губернаторы настаивают на безусловной победе своего кандидата-единорога. А ещё приходит некий человек, который представляет интересы группы лиц, желающей захватить весь лес в районе и вывозить его на переработку в соседний. Поэтому, когда затрагивается шкурный интерес, народ проявляет феноменальную активность.

— *Интересно. А почему, если это такое широкомасштабное явление, отходниками никто не занимается и не изучает?*

— А зачем? Государству, в общем-то, выгодно такое положение вещей.

— *Но ведь они платят налоги не в муниципалитете, где их «база», а в другом месте. А если они работают нелегально, то и там не платят. Тем более, если у них довольно солидные зарплаты.*

— Ну да, муниципалитет недополучает налоги. Но ведь он получает за отходников дотации, которых, как правило, в разы больше, чем было бы от них налогов. Поэтому муниципальной администрации отходники тоже полезны. И чем больше отходников, тем лучше. Пусть всё население уйдет на заработки, и совсем будет здорово. Ведь оно учтено здесь, на месте, а социальное государство выделяет средства на его жизнеобеспечение по месту постоянного жительства.

— *То есть, эти средства потом расходуются, упрощенно говоря, «нецелевым образом»? Ведь они выделяются на что-то конкретное.*

— Они выделяются в общей массе и по статьям: на ЖКХ, на школу, на здравоохранение и т.п. Вот выделили в каком-нибудь поселке на 12 тысяч жителей 105 млн рублей на год, получается по 8,5 тысяч на человека. А из населения 4 тысячи отходников. Получается, что

105 млн не на 12, а на 8 тысяч жителей, то есть, уже 13 тысяч на человека. Экономия средств на 53%. Но их нужно расходовать... Конечно, умный муниципальный управляющий учел бы всех отходников, чтобы точно знать, какой дополнительной суммой он «располагает».

Примечание [b2]: Действительно, как?

— А как можно исправить это положение вещей? Принять какие-то законодательные меры?

Почему «исправить»? Для меня феномен отходничества свидетельствует не о том, как надо бы сделать, а о том лишь, что общество очень целесообразно реагирует на внешние воздействия. Вот изменились условия жизни. Вроде бы что-то должно разрушиться, всё плохо, демографическая ситуация катастрофическая... Но на самом деле общество тут же «вспоминает» какую-то модель поведения, которая действовала, может, много веков назад, и появляется, например, отходничество. Образовались соответствующие условия, и общество как бессмертная амёба, вырастило для себя эту новую «псевдоподию». Изменяются условия снова – исчезнет отходничество, появится что-то новое.

Главное – не трогать, не реформировать.